

Евгений Бессонов: Пленных мы не расстреливали

[Александр ТРИФОНОВ](#), 15 апреля, 00:05

Полковник в отставке Евгений Иванович Бессонов – человек удивительный. Всю войну прошел в составе танкового десанта, а спустя 50 лет после этого написал книгу о своей войне – "Записки командира танкового десанта". Книга малоизвестна в России, но стала бестселлером на Западе, переведена на английский язык. Теперь пообщаться с автором приезжают даже из далекой Австралии. А мы поговорили с Евгением Ивановичем о разных сторонах войны, в том числе и малоизвестных.

"Утро": В вашей книге написано, что вы выбрали военную стезю с юношества. Расскажите немного об этом, пожалуйста.

Евгений Бессонов: Я поступал в Военно-морское училище в Севастополе и в другие, но не прошел. Хотел в Аэроклубе учиться, там тоже по зрению меня не взяли. А потом призвали в армию. Сначала я был на оборонительных работах, далеко от Москвы, в Брянской области. Мы там с 25 июня по 8 августа копали противотанковые рвы, окопы, ставили проволочные заграждения. Только мины мы не ставили, потому что не умели – это саперы делали. 11 августа 1941 г., когда меня призвали в армию, я только что окончил среднюю школу. Я коренной москвич, родители мои тоже. Посадили нас всех москвичей, целый эшелон, в товарные вагоны. И отправили на Урал. По дороге вагоны отцепляли – в Горьком, в других городах. А нас, человек 500, отправили в Камышелов, это Свердловская область, 180 км от Свердловска и 100 км от Томска. Там я закончил училище. Присягу я принес 16 ноября в училище, а набор был, кажется, в конце октября. И проучились мы до июня месяца, мне дали звание лейтенанта и определили сначала в запасной полк, где мы готовили солдат для фронта.

"У": А что означает "вы готовили солдат"?

Е.Б.: Например, я был командиром снайперской роты. Мы готовили солдат-снайперов, учили их. Прибывающую необученную молодежь учили дисциплине и тому, как надо воевать на фронте, то есть делали из них солдат.

"У": То есть, вы после училища сразу начали учить новобранцев?

Е.Б.: Да. Правда, к нам поступали молодые, стариков не было, я имею в виду по возрасту. 35-40 лет – таких не было, в основном, молодые. И национальности их были очень разные, много было узбеков. Морозы были сильные, зимой с ними не занимались, потому что они мороза не переносили (*смеется*). Был один интересный бытовой момент – военные ботинки, английские, подошва у них была картонная, она отваливалась. Походит месяц – и подошва "сгорала". Допустим, у костра солдаты сидят или идут просто – подошва отлетает. Потом стали ходить в нашей обуви. Обмундировывали солдат в обмотках, тогда сапог не было. Были проблемы со снабжением. Видите ли, в войну в тылу паек был меньше, чем фронтной. Правда в училище нас кормили хорошо, но мы же молодые были, есть и спать хотелось всегда.

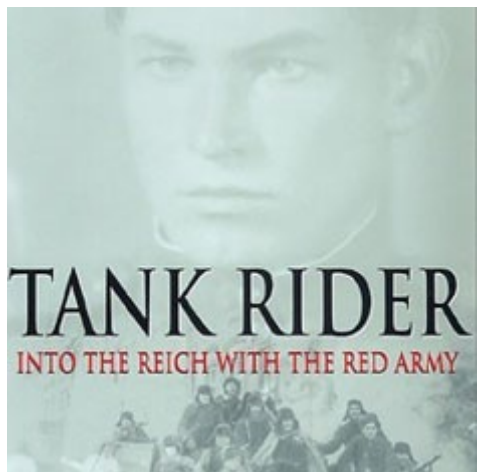
Потом мы базировались на станции Сурок Марийской республики. В землянках жили, казарм не было. Туда, по-моему, впервые нас направили, землянки мы сами строили. А кругом лес. Никаких населенных пунктов, только лесничество. Вот на лыжах проедешь

7-8 км, погреешься там и – назад. А некоторые не умели на лыжах ходить, узбеки в особенности. Но потом ничего, привыкали. А после запасного полка попал я на Брянский фронт, в конце июля это было, как раз шла Курская битва. А с Брянского фронта – в 4-ю танковую армию, впоследствии она стала Гвардейской танковой армией (в марте 1945 года). И вот в конце июля я попал в 6-й гвардейский механизированный корпус, 49-я механизированная бригада, 1-й батальон, 1-я рота. В составе этого батальона я прошел два года. Освобождали Правобережье Украины, Каменец-Подольский. На Курской дуге в августе-сентябре воевали. А потом вышли на формирование, потому что ни солдат, ни танков у нас не осталось. Я вообще-то не люблю говорить, что я самый первый вошел в город Каменец-Подольский, но это так. 25-26 марта мы его освободили.

"У": Что такое "формировка"?

Е.Б.: Это получение материальной части, оружия, патронов, получение личного состава и учеба.

"У": То есть во время войны вас еще и обучали?

Е.Б.: Солдат обязательно. Месяц учили, иногда полтора. Учили всему, понимаете. Как садиться на танк, как с него спрыгивать, обкатку делали – в окоп сажали солдат, ну и сами садились, а наши танки обкатывали нас. То есть, чтобы солдаты привыкали к танкам. Что это не так страшно, чтобы из окопа не выбегали – противник расстреляет в этом случае. Под Копычинцами, город Чертков, это Западная Украина, мы стояли май-июнь, и с начала июля вступили в бой. У нас, 4-й танковой армии, была задача взять Львов.

"У": Вы там тоже с танковыми силами воевали?

Е.Б.: Они закапывали танки, для того чтобы их не было видно и чтобы они не были поражены в случае прямого попадания. Мы прорвали оборону. Потеряли 2 батальона при львовской операции. 21 июля я со своей ротой вошел во Львов. Больше войск у нас не было, в центр не стали продвигаться, потому что не знали, есть ли там немцы. Некоторые дома были заброшены. На окраинах города мы находили кирпичные большие дома, брошенные жителями. Еще там был брошенный немецкий госпиталь.

"У": А как восприняло ваши войска население Львова? Как освободителей? Ведь во Львове были и украинские националисты.

Е.Б.: Мы же не ходили по домам, а люди прятались. Может быть тыловые части, шедшие за нами, какой-то контакт и имели. А нас встретило 5 евреев, они там пробыли 3 года. Жили за печкой в избе. У них там был тайник. Некоторые были в подвалах. Нас пригласили отметить освобождение эти 5 евреев, организовали нам хороший обед. У меня был товарищ еврей, Израиль Соломонович Цикановский, вот он с ними и беседовал. Мы стояли после Каменец-Подольска в Ивано-Франковской области, это родина Степана Бандеры, там как раз деревня, где он родился. Я скажу вам, что никогда не было нападения на нас. Мы же их не трогали, не грабили, ничего такого. Нас воспринимали как освободителей, принимали нас жители деревень хорошо, особенно молодежь: ребята, девушки, ну и женщины. Мы были разного возраста, мне было 21, а было кому и по 30. Поэтому у нас и в уме не было оберегать себя от населения, немцы – это одно дело, а гражданские – другое.

"У": А после Львова что было?

Е.Б.: После Львова нас бросили в Польшу, мы форсировали Вислу, танки по понтонным мостам шли. Кажется, был даже захвачен целый мост. Это было недалеко от Сандомира, назывался – плацдарм Сандомирский. Немцы наступали постоянно. Это был стратегически важный район, оттуда мы шли до Одера, на Берлин. По Польше прошли. Плацдарма было два: один – севернее Варшавы, а второй южнее, как раз Сандомирский. Мы с него начали наступать. Я на танке прошел всю Польшу – Петраков, Кротоцин. А потом мы форсировали уже немецкий город Кебен.

"У": Вы вошли в Германию...

Е.Б.: Да, но здесь населения уже не было, они ушли на запад вместе со своими, забрав с собой всю живность. Было обращение Геббельса к немцам, дескать, они должны покинуть Германию, потому что наступают советские войска, которые будут их расстреливать. Вот они и бежали. А потом однажды мы догнали целую колонну, которая шла на запад: идут чопорные старики, дети, с мешками, с колясками. Мы остановились, сказали, что, мол, идите лучше к себе домой.

"У": А на своей территории немцы сопротивлялись ожесточеннее?

Е.Б.: Под Берлином особенно. Они же ведь мобилизовали и стариков, и 17-летних юношей. Я даже видел 14-летних мальчишек в форме – телефонистов, ПВО. Они как раз против нас воевали, их вооружали фауст-патронами. Это против танков. Как-то раз я взял в плен человек 100 стариков. Мы выступали на танке, окопы, а там старики руки подняли. Мы вывели их из окопов – все обросшие, с сединой. Я построил их, оружие велел бросить, забрать мешки, и сказал им: "Нах хаус!" Домой, мол, идите. И они ушли. Не знаю куда. А мальчишек... когда форсировали Одер, они наступали, их пулеметчик положил, много... А так мне больше не попадались – они убегали... Только иностранные корреспонденты всегда спрашивают: "А вы расстреливали пленных?" Пленных мы не расстреливали. В бою – само собой, если ты не убьешь его, он тебя убьет. Но чтобы пленных расстреливать... Понимаете, даже в бою тяжело стрелять в человека. Вот сейчас террор – это надо быть нечеловеком, чтобы убивать человека другого.

"У": А это все так чувствовали?

Е.Б.: Я считаю, что все. Вообще, наши солдаты извергами не были. Нельзя сказать, что все убивали – не трогали, а потом, нам же жить с немцами после войны. Издеваться над людьми не издевались – не трогали, не насиловали, не грабили.

"У": Расскажите, как вы закончили войну.

Е.Б.: Форсировали мы канал. Я на трех танках впереди бригады шел своей, взял населенный пункт Смерглофт и канал – широкий, глубокий. Пароход немецкий шел, моста нет, а надо на тот берег. Увидели паром на том берегу. Три или четыре солдата переплыли на тот берег, пригнали паром, и тут подошел комбат Терентий Григорьевич и говорит: "Вот тебе 10 человек, надо паром проверить". Мы переплыли на тот берег, поднялись от берега метров 50, сад там цвел, апрель же был. А там танки стоят – 4 "Тигра". Почему они нас не расстреляли? Я и в книге этому удивлялся. Может, из-за высоты, может, была мертвая зона. Вообще, они подбили один танк, но позже. А потом вышел БТП, вооруженный огнеметом. Хорошо, нас не успел сжечь, тут как раз переправилась наша пушка, и его подбила – бак взорвался. А "Тигры" ушли. Потом мы дальше продвинулись, и в ночь на 25 апреля соединились с 1-м Белорусским фронтом. Таким образом Берлин был окружен. Я был ранен и отправлен в госпиталь. Потсдам взяли

– здесь я участвовал, Бранденбург брали, но здесь я уже не участвовал. А потом, числа 6-го, всю армию бросили на Прагу, там как раз было восстание чехов. По западному берегу Эльбы мы прошли и ворвались в Прагу – немцы убежали. Немцы нам сдавались, больше, чем чехам, потому что те над ними издевались, били их, расстреливали. Так что немцы нам сдавались. Собственно, освободили 8-го Прагу, закончилась война, а я из госпиталя прибыл числа 10-12 мая.

Прослужил в танковых войсках 4,5 года, потом отправили меня в Закавказский военный округ, служил в дивизии в Тбилиси. Потом в 49-ю в академию поступил, в 53-м закончил, а потом служил уже в Центральном аппарате Министерства обороны. Называется – Главное управление кадров Министерства обороны СССР. Там я прослужил с 1953 по 1976 год. Прослужил я в армии 35 календарных лет, уволили меня в звании полковника. Вот и все.

<http://www.utro.ru/articles/2005/04/15/428953.shtml>